

Атрибуция при исследовании Воровского Закона

Attribution in research on the Thieves' Law (Master Felons' Law)

Евгений Зубков

Słowa kluczowe

Kodeks Złodziei, аtrybucja, stopnie przybliżenia

Keywords

Thieves' Law, attribution, approximation stages

Abstrakt

Celem niniejszego artykułu jest analiza аtrybucji w badaniach nad Kodeksem Złodziei, który został przedstawiony jako zjawisko kompleksowe (dyskretny anti-system oraz kryptosystem klucza publicznego), będące przedmiotem badań różnych dziedzin nauki. Autor przedstawia zastosowanie аtrybucji według metodologii 'stopni zbliżenia', jej możliwości i cechy szczególne oraz pokazuje nieskuteczność ograniczenia аtrybucji do wąskich dziedzin.

Abstract

The paper aims to analyze attribution in the research on the Thieves' Law that was presented as a complex phenomenon (discrete anti-system and public-key cryptosystem), which should be studied in various fields of science. The author presents the use of attribution according to the technique of 'approximation stages', its potential and features, and shows the inefficiency of restriction to particular fields of science.

Атрибуция при исследовании Воровского Закона

Целью данной статьи является анализ атрибуции при исследовании Воровского Закона в частности и русского уголовного дискурса вообще. Решение поставленной задачи предусматривает сначала рассмотрение Воровского Закона как комплексного явления (дискретная антисистема и криптосистема с открытым ключом), а уже потом определение роли атрибуции, ее возможностей и черт при исследовании Воровского Закона. В самом начале исследования нам также необходимо уточнить, какая именно атрибуция имеется в виду. Атрибуция в филологии – это определение подлинности или подложности рукописного текста и установление его авторства. Методика атрибуции может быть основана на представлении элементов текста как реализации цепи Маркова, можно использовать методы иерархического кластерного анализа, давно известны методы стилометрического анализа, в настоящее время основанные на применении компьютеров. Далее мы условно будем называть такую атрибуцию «атрибуцией филологической».

В психологии под атрибуцией понимается термин, обозначающий механизм объяснения причин поведения другого человека. В общих чертах атрибуция в психологии воспринимается как приписывание индивидам (или общностям) характеристик, не представленных в поле восприятия, т.е. информация, полученная из наблюдения, нуждается в достраивании, особенно при ее дефиците. Бесспорно, что такая атрибуция не всегда является точным и объективным процессом из-за различных атрибутивных искажений, влияющих как на оценку собственного поведения, так и поведения других людей (принцип ковариации, фокальная модель аномальных условий, локус контроля, фундаментальная ошибка атрибуции и т.д.). Далее мы условно будем называть такую атрибуцию «атрибуцией психологической». На основе применяемой для анализа Воровского Закона методологии будут показаны возможности «атрибуции филологической» и «атрибуции психологической» как «атрибуции» в зависимости от «степени приближения» и «характеристики связей».

Воровской Закон является набором алгоритмов и стереотипов поведения лиц, активно вовлеченных в преступную деятельность. Это было зафиксировано в работах ряда серьезных исследователей вопроса. Д.С. Балдаев рассматривает Воровской Закон как «неписанные правила,

традиции воровской среды, выполнение которых обязательно для всех ее представителей»¹. Согласно Ж. Росси:

Закон (Д) или (ДА) воровской закон – неписанный, но строго соблюдаемый закон преступного мира, продолжающий вековые традиции [...] Воровской закон устанавливает нормы поведения и наказание за их нарушение (см. толковище). Между прочим, закон запрещает сотрудничать с властями (ср. сука 1); в случае поимки воров на месте преступления закон обязывает самого младшего прикрывать отступление старших, даже ценой своей жизни. В случае же поимки – брать на себя вину старших и т.п. По закону вор – аристократ [...] Находящимся в заключении закон, якобы, запрещает отнимать пайку даже у фраера [...] доносить даже на суку; занимать командные посты (сотрудничество с властями); принимать участие в постройке карцеров, зон и т.п. Считается, что закон вовсе запрещает работать [...]²

Мы видим, что Ж. Росси подает примеры неких норм поведения (поведенческих стереотипов и алгоритмов), но не проясняет их причин, т.е. «характеристик связей». Имеются и более обширные упоминания поведенческих стереотипов и алгоритмов в среде профессиональных преступников, например в работе П.А. Скобликова³. Проблема заключается в том, что вышеуказанные авторы анализируют т.н. «Рамки» и «Воровские Наказы», но не сам Воровской Закон. Анализируется, как правило, текст объемом в страницу («Рамки»), с указаниями, как нужно себя вести в местах лишения свободы, обычно подписанный несколькими авторами⁴. В этом аспекте отпадает необходимость установления авторства. Реже встречаются тексты с указаниями, как нужно себя вести на свободе («Воровские Наказы»). Но эти алгоритмы и стереотипы поведения не проясняются, в них не усматривается **отнесения к Воровскому Закону как религии**.

Не каждый сбор мировоззренческих убеждений трансцендентного характера должен называться религией. Это просто философская концепция. Само собой разумеется, в основе каждой религии лежит философская концепция, однако не каждая трансцендентная философская концепция претендует на роль регулятора общественных отношений, организатора социально-этической жизни и воспитателя общества

¹ Д.С. Балдаев, *Словарь блатного воровского жаргона. От А до П*, Москва 1997, s. 142.

² Ж. Росси, *Справочник по ГУЛАГу*, Москва 1991, t. 1, s. 122-123.

³ П.А. Скобликов, *Имущественные споры и криминал в современной России*, Москва 2001.

⁴ Е.А. Зубков, *Иносказание в русском уголовном дискурсе. 'Масти', 'Понятия', 'Воровской Закон'*, Кельце 2014, s. 248-265.

путем обрядов и ритуалов. Только такая концепция становится религией. В религии самым важным являются не обряды и ритуалы (что-то подобное имеется в каждой эзотерической деятельности, например в оккультизме или магии), а убеждение и регуляция общественно-этической жизни⁵.

Отсутствие рассмотрения Воровского Закона как религии при применении методов психологической атрибуции сразу же приведет к фундаментальной ошибке, как обычно и происходит. Например:

Следует отметить, что как признание себя 'вором', так и 'вором с рождения' не является чем-то необычным в настоящее время. [...] С языковой точки зрения, формы вопроса и формы ответа варьируются, неизменным остается смысл. На различные по форме вопросы о принадлежности к 'ворам в законе' следуют различные по форме, но преимущественно утвердительные ответы. Вызвано это тем, что вопросы 'Как давно?' и 'Когда короновали?' могут восприниматься задержанными как равноуровневые. [...] вопрос 'Ваш род деятельности' задержанный переспрашивает 'В смысле?' и при повторении 'Без смысла, прямой вопрос' затрудняется ответить, потом отвечает 'периодически работал, периодически в тюрьме сидел' [...] На вопросы 'Как давно?', 'Где короновали?' следует ответ: 'Да что Вы глупости, такие вопросы задаете! Давно. Всю жизнь'. [...] На замечание допрашивающего 'Вы с самого рождения вор? Мне кажется, что глупости говорите Вы' следует ответ 'Да ну, раз Вы считаете, что говорю глупости... значит глупости говорю' и задержанный начинает проявлять нервозность, что выражается невербально [...] Дискуссия на тему бессмертия души, отношения к предопределению, а тем более рассмотрение возможности сохранения памяти души в бесконечном времени между допрашивающим и допрашиваемым могли бы быть очень интересными, но вряд ли конструктивны для сторон [...]⁶

Как видим, следователь и подозреваемый просто не понимают друг друга, хотя по характеру вопросов мы видим, что у правоохранительных органов имеется огромное количество информации по стереотипам и алгоритмам поведения профессиональных преступников, но нет адекватной модели интерпретации. Заметим также в цитате, что подозреваемый не отрицает принадлежности к Воровскому Закону. Более того, каждый из участников коммуникации начинает усматривать

⁵ О. Leszczak, *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*, Toruń 2010, s. 89.

⁶ Е.А. Зубков, *Возможные ограничения при ответе на вопрос о принадлежности к «ворам в законе»*, 'Научный журнал КубГАУ' 2015, nr 109, IDA 1091505082 [in:] <http://ej.kubagro.ru/> (dostęp 20.12.2015).

в словах собеседника издевательство, меняет коммуникативные стратегии и, как следствие, коммуникативные ожидания не удовлетворяются. Вызвано это применением неадекватных моделей для анализа уголовного дискурса, а неадекватность этих моделей вызвана неправильным применением «степеней приближения», о чем ниже. В упрощении, таким моделям не хватает охвата всего явления (Воровского Закона асимметричного по своей сути), что может дать только интердисциплинарность.

Например, методами филологической атрибуции можно доказать, что какой-то текст, графический или аудио-визуальный, принадлежит определенному лицу, из особенностей такого текста может черпаться информация о категориальных признаках личности (на основе достраивания), можно установить, как, чем, кем, на каких носителях он писался, даже в случае необходимости как такой текст кодировался или шифровался.

Атрибуция текста производится не только в криминалистической практике. Это – одна из важных проблем так называемой текстологии, вспомогательной историко-филологической дисциплины, изучающей историю возникновения и судьбу текста художественных и общественно-политических произведений. В обоих своих приложениях проблема атрибуции остается открытой, потому что в настоящее время практически невозможно с полной достоверностью атрибутировать письменный текст тому или иному автору только на основании языкового и стилистического анализа. Основным источником атрибуции остается пока так называемая графическая экспертиза – анализ почерка, орфографии и других внешних признаков текста. Конечно, признаки, связанные со стилем, манерой изложения, частотой употребления тех или иных слов, основной направленностью текста, тоже могут быть успешно использованы в ходе экспертизы, но эксперт не может прийти к достоверному выводу, руководствуясь только ими⁷.

Как видим, в приведенной цитате (конец 70-х годов прошлого века) указывается на синтез методов, в современности применяемых зачастую отдельно в атрибуции филологической и атрибуции психологической из-за все большей «специализации» научных дисциплин, что приводит к потере охвата рассматриваемого явления и, как следствие, к все большему «достраиванию». До разделения этих дисциплин, в судебно-психологической экспертизе применялись термины «идентификационные» и «неидентификационные» исследования без особого

⁷ А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, В.И. Батов, *Речь в криминалистике и судебной психологии*, Москва 1977, s. 7.

разделения на психологические и филологические. В представленной статье мы пытаемся доказать непрактичность разделения атрибуции на филологическую и психологическую при исследовании Воровского Закона, т.е. указываем на необходимость интердисциплинарности исследования при вовлечении частно-специалистических методов из различных областей знания. Важными, как уже упоминалось выше, является правильное применение «степеней приближения» и учет «характеристик связей».

Польскоязычная литература по Воровскому Закону показывает ту же скудность и противоречивость, что и русскоязычная, без указания «характеристик связей». Например, в словаре К. Степняка в словарной статье «zakon» упоминается: «неписанное, но обычно обязывающее право профессиональных преступников». Принадлежность к Закону «принадлежность к обществу профессиональных преступников». Воровской Закон «преступный эпос, преступная среда» [...] Урочий закон «преступная профессия» [...]»⁸. Однако автор словаря, в отличие от цитируемых выше авторов, упоминает о «преступном эпосе», а не только о нормах поведения. Среди польскоязычных исследований по вопросу особого внимания заслуживает работа М. М. Каминьского⁹. Исследователь совершенно правильно¹⁰ разделяет т.н. «Понятия» (интенциалы в зависимости от прагматического отношения участника коммуникации) и «Рамки» (тексты с указаниями, как нужно себя вести в местах лишения свободы). К сожалению, исследователь ограничивается лишь внешними проявлениями (стереотипами и алгоритмами поведения, причем только в местах лишения свободы) и совершает фундаментальную ошибку в терминах психологической атрибуции, пытаясь интерпретировать «характеристики связей» в «дискретной антисистеме» с точки зрения правопорядочного гражданина.

Как видим, при попытках анализа Воровского Закона, исследователи сосредотачиваются только на незначительных его проявлениях и зачастую пытаются прояснить непонятные стереотипы и алгоритмы поведения лиц, активно вовлеченных в преступную деятельность, с точки зрения личного опыта и собственной системы ценностей. Этих ошибок помогает избежать применяемая нами методология, которая была разработана на основе синтеза взглядов Л.Н. Гумилева, У. Эко,

⁸ К. Stepniak, *Słownik gwar przestępczych*, Warszawa 2013, s. 453.

⁹ М. Kamiński, *Gry więzienne. Tragikomiczny świat polskiego więzienia*, Warszawa 2006.

¹⁰ Е.А. Зубков, *Иносказание в русском уголовном дискурсе. 'Маски', 'Понятия', 'Воровской Закон'*, Кельце 2014, s. 235-248.

и О. Лещака. Возможности этой методологии для анализа русского уголовного дискурса и Воровского Закона были нами доказаны ранее, и во избежание повторений ограничимся ниже лишь рядом цитат для представления сути рассматриваемого явления:

Для стереотипов и алгоритмов поведения был принят обобщающий термин 'этническая доминанта' при учете усреднения на основе количественного и качественного (уровень (суб)пассионарности) факторов [...] Согласно функционально-прагматической точке зрения О.В. Лещака, этот исходный пункт совершения выбора можно назвать 'магией', что полностью обоснованно – если индивид знает, как будет в будущем, то окружением это воспринимается как волшебство. Имеется в виду наличие огромного количества со-возможностей (альтернатив, высчитываемых математически) в случае совершения дальнейших операций выбора, которые являются информацией, т.е. мерой возможности выбора [...] На этом уровне находится т.н. 'Воровская Идея' (философема, указывающая, какие именно тексты следует интерпретировать и как), являющаяся выражением 'символа веры', т.е. 'Воровского Закона' ('Воровского Талмуда', 'Воровского Пятикнижия'). 'Воровской Закон' по своей сути объединяет все семь 'степеней приближения' согласно концепции этногенеза и включает в себя начало бинарного кода, т.е. 'нефеш', дающий право на убийство 'своих' в целях самозащиты. На данном уровне необходим учет аберрации, понимаемой как индивидуальный опыт особи homo sapiens по отношению к массовому сознанию, которую можно представить математически (аберрация света) [...] Отметим лишь, что под 'Воровским Законом' (без разделения на Новый и Старый) понимается синтез представлений о Старом римском праве до кодификации Юстиниана (Законы XII таблиц, Институции Гая, Саллическая правда), Устной Традиции (с элементами Гемары и Каббалы), восточной ветви митраизма (Законы Ману и черный бон модифицированный тантраяной), Кодексе Хаммурапи и воззрениях иудео-христиан (есеев, мандеев, тибетских вариантов шиизма)¹¹.

Из достаточно обширной, но нужной цитаты, следует, что проблема атрибутивных искажений нивелирована предлагаемой моделью – мы учитываем усреднение на основе количественного и качественного факторов. При использовании представленной модели со-возможности (альтернативы) высчитываются математически, нами рассматриваются последовательные операции выбора согласно определенному «символу веры», учитываются патологии, любой из возможных «антропогенный ландшафт», а также «отрицательные и положительные

¹¹ Е.А. Зубков, *Влияние системы ценностей в преступной деятельности на поведение индивида*, Вестник Новгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки 2014, т. 83/1, с. 68–73.

связи в системе» со сменой знака даже на протяжении жизни особи – все это нивелирует проблемы с принципом ковариации и фокальной моделью аномальных условий в психологической атрибуции. Самым важным является то, что предложенная модель для анализа уголовного дискурса позволяет примирить и использовать одновременно оба альтернативных подхода в психологической атрибуции.

Кроме того, синтез упомянутых выше религиозно-правовых взглядов основан на применении модулярной арифметики и т.н. «асимметричных функций»¹². Попытка «ре-виндикации традиции»¹³ в поисках древней веры и магии с одновременным атеистичным желанием получить полный контроль даже над циклами перерождения души приводит к странному на первый взгляд парадоксу – находясь в стадии гомеостаза Воровской Закон постоянно меняется с развитием научных взглядов на вышеупомянутые религиозно-правовые системы. Однако подобный парадокс легко объясним с точки зрения точных наук:

Вызвано это, в упрощении, биективной функцией, и сюръекция при трансформации Старого Воровского Закона в Новый Воровской Закон заставляет нас обратить внимание на произвольное непрерывное сюръективное отображение топологических пространств. Здесь множество с дополнительной структурой определенного типа может быть, конечно же, определено предбазой. Эта проблема решается без существенных модификаций версий системы ‘Эйдос’, даже при недостатке исходных данных. Однако остается ряд трудно решаемых проблем. Первой из них является ответ на вопрос, имеем ли мы дело с (пред)базой, или же псевдобазой. [...] Автор представленной статьи склонен полагать, что под натуральные явления природы была подведена достаточно логичная мифоидеологическая основа, в настоящее время называемая ‘Воровской Идеей’. Более того, исследуемая система (дискретная анти-система согласно концепции этногенеза Л.Н. Гумилева) дискретна, сигнал длителен (несколько столетий), доверительный интервал неточен, а для дискретных систем с длительностью сигнала, по мнению автора, являющегося по образованию филологом, подходит точечная выборка (в языкознании на основе словарей и источников, также неполных) с применением адекватной модели реконструкции. Было постулировано, на основе современного состояния науки и доступа к информации, что Новый Воровской Закон является ‘криптосистемой с открытым ключом’ в современных терминах, основывается на ‘шести требованиях Керкгоффа’, ‘система в руках врага’ (или же ‘враг знает систему’ Клода Шеннона), работает на основе односторонних функций модулярной

¹² Е.А. Зубков, *Иносказание в русском уголовном дискурсе. ‘Маски’, ‘Понятия’, ‘Воровской Закон’*, Кельце 2014, s. 281-303.

¹³ J. Rurawski, *Nie tylko o literaturze... (felietony, eseje, rozprawy)*, Kielce 1998, s. 11-15.

арифметики (асимметричных функций), и использует открытые случайные ключи и 'секретные лазейки' (алгоритм RSA и схему обмена ключами Диффи-Хеллмана-Меркле) [...]»¹⁴.

Само собой разумеется, что при создании Нового Воровского Закона подобная терминология, т.е. «криптосистема с открытым ключом», алгоритм RSA, схема обмена ключами Диффи-Хеллмана-Меркле, не употреблялась. Из приведенной цитаты следует, что в предложенной для анализа уголовного дискурса модели используется метод реконструкции. Однако этот метод используется на основе определенной методологии, основанной на правильном применении «степеней приближения» и учете «характеристики связей».

В концепции этногенеза Л.Н. Гумилева используется техника «последовательности приближения к предмету», т.е. выделяются географическая, культурологическая, этнологическая, политико-историческая, этнографическая, биографическая, и филологическая проблематики и методики как «степени приближения». На первый взгляд кажется, что филологическая атрибуция должна находиться на «седьмой степени приближения», а психологическая – на шестой и соответствовать «биографической степени приближения». Подобная позиция привела бы к ошибочным выводам, поскольку анализироваться должны все «степени приближения», т.е. проблематики и методики, в меру их релевантности. Следует заметить, что примиряя и позволяя использовать одновременно оба альтернативных подхода в психологической атрибуции, предлагаемая нами модель позволяет иногда избежать ненужного «добраивания».

Например, нами было доказано, что в «Похождениях бравого солдата Швейка» имеются упоминания о Воровском Законе без вхождения на «биографическую степень приближения» Я. Гашека¹⁵. Нас не интересовал вопрос, откуда в произведении появились эти упоминания – из пражских пивных, тюрьмы в г. Кельце, или скитаний по Сибири. Оставляем решение этого вопроса «гашековедам». Нас интересовали, какие это были упоминания и к каким аспектам Воровского Закона они относились (апологии в «Анабасисе» Швейка и «новая шифровальная система» «Грехи отцов»). Литературное произведение было одним из множества исследуемых источников, тем более, что творчество и

¹⁴ Е.А. Зубков, *Некоторые способы сокрытия информации в уголовном дискурсе и применение АСК-анализа*, 'Научный журнал КубГАУ' 2015, nr 110, IDA 1101506002 [in:] <http://ej.kubagro.ru/> (dostęp 20.12.2015).

¹⁵ Е.А. Зубков, *Возможные упоминания Воровского Закона в 'Похождениях бравого солдата Швейка'*, Язык и культура 2015, nr 18, t. 1 (176), s. 312–319.

биография Я. Гашека (седьмая и шестая «степени приближения») предметом анализа не являлись. Нас интересовали закономерности другого порядка и иные «степени приближения», а сведения источников были необходимы для модельного обобщения при учете внешней и внутренней критики.

Кроме того, необходим учет «отрицательных и положительных связей в системе» со сменой знака на протяжении жизни особи – в этом случае мы должны применять этнографическую, политико-историческую и этнологическую проблематику для понимания сведений источников, т.е. почему и зачем конкретный автор в тексте что-то пытался скрыть, а что-то наоборот выпукнуть, почему менялся стиль и взгляды автора, как это соотносилось с изменениями знака «в системе» у других авторов, как изменения в системе влияли на пробуждение инстинктов, в том числе самосохранения. Для этих целей мы ввели обобщающие «степени приближения» термины «антропогенный ландшафт» и «система» («антисистема») и выстроили уровневую иерархию ценностей в преступной деятельности¹⁶, относительно которой индивид рационально или иррационально настраивает свои действия (совершает операции выбора из со-возможностей) с учетом «соразмерности числа особей, формирующих комплекс». Лучше всего принципы работы «степеней приближения» при учете «характеристик связей» покажет цитата самого Л.Н. Гумилева:

Для обобщения язык источника вообще безразличен, ибо важен только смысл: война, мир, договор, поход – попросту говоря, событие [...]. Тут другой первичный материал и другая методика, которую в отличие от 'филологической' можно назвать 'криминалистической'. Подобно тому, как хороший сыщик использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения от закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, этническую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты смещений закономерности при контактах¹⁷.

Как видим из цитаты, при применении «степеней приближения» и учете «характеристик связей» нужна интердисциплинарность, которая позволит дать необходимый охват всего явления, а уже потом анализировать частности. В заключение необходимо упомянуть, что

¹⁶ Е.А. Зубков, *Влияние системы ценностей в преступной деятельности на поведение индивида*, Вестник Новгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки 2014, т. 83/1, с. 68-73.

¹⁷ Л.Н. Гумилев, *Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации*, Москва 1993, с. 488-489.

представленная нами модель для анализа уголовного дискурса основана не только на взглядах Л.Н. Гумилева, который «скрупулюсов» иногда избегал для создания модельного обобщения. При применении «степеней приближения» и учете «характеристики связей» нами используется «шкала скрупулюсов»¹⁸, основанная на модели лингво-семиотического опыта О.В. Лещака и концепции «отсутствующей структуры» У. Эко, позволяющая увидеть искривление «этнической доминанты» по модели аберрации света, происходящее при процедурах категоризации.

¹⁸ Е.А. Зубков, *Иносказание в русском уголовном дискурсе. 'Масти', 'Понятия', 'Воровской Закон'*, Кельце 2014, s. 25-41.